

приятия по укреплению и сохранению фресок. Одновременно, в интересах дальнейшего исследования росписи, была продолжена расчистка живописи, что, кстати сказать, является одним из средств, способствующих ее сохранению. Обследование поверхности стен устанавливает, что, по отношению к целому, роспись уцелела лишь в небольшой своей части, причем, как показали расчистки, во многих случаях остались только фрагменты отдельных композиций или фигур.

Хотя еще не все сохранившиеся части росписи освобождены от слоев побелок и штукатурок, которые их закрывают, однако результаты работ 1949 г. были значительными не только в отношении площади вновь открытой живописи и прекрасной сохранности многих ее участков, но также и по важности того, что было обнаружено. Не говоря о художественных достоинствах фресок, научное значение их выходит за пределы истории древне-русской живописи. Некоторые изображения, впервые встречаемые в русском искусстве, дадут новый материал также и исследователям других областей культуры Древней Руси, в частности, они будут важны историку древне-русской литературы. В настоящей статье я хотел бы остановиться именно на этой стороне мелётовской росписи и обратить внимание на одну из фресок, главный интерес которой заключается в том, что на ней изображено, в частности, в ее сюжете. Но так как мелётовские фрески мало кому знакомы, а вновь открытые изображения и вовсе неизвестны, — необходимо предварительно дать некоторое представление о росписи в целом, о ее стилистических особенностях — в той мере, в какой о них можно судить по сохранившимся и расчищенным фрагментам.

* * *

Время, когда церковь Успения в Мелётове была украшена стеной живописью, устанавливается точно записями псковских летописей: работы по росписи храма начались в 1465 г.¹ и в том же году были окончены,² т. е., как обычно для того времени, роспись была выполнена в течение одного лета. Эти сведения, сообщенные летописями, дополняются надписью, помещенной в арках портала, обрамляющего западный вход в церковь. Она сделана в той же технике, что и живопись, и тем же почерком, что и тексты на некоторых фресках внутри здания, в частности на свитках святителей, изображенных в алтаре. Надпись издавалась уже дважды, но оба раза с большими ошибками.³ Я привожу ее снова полностью.

Надпись, расположенная в две строки, сохранилась не полностью: начало и конец каждой строки утрачены. В ней говорится следующее

¹ Полное собрание русских летописей, т. IV, стр. 229.

² Псковские летописи, вып. 1. Подготовил к печати А. Насонов. М.—Л., 1941, стр. 71.

³ В. А. Богусевич. Мелётовская надпись. Пробл. ист. докапит. общ. № 7—8, 1934, стр. 166—168; К. К. Романов, ук. соч., стр. 153, 154.